

ИДЕОЛОГИЧЕСКИЙ И ЭТНО- КУЛЬТУРНЫЙ КОМПОНЕНТЫ ГРАММАТИКИ: СИСТЕМА И НОРМА *

Существованию и развитию языка способствуют по крайней мере три силы, внешние по отношению к языковому коллективу:

- 1) **система** (тенденция) как не спровоцированные другими воздействиями устойчивые предпочтения в выборе тех или иных языковых средств у большинства носителей языка или его социального варианта;
- 2) **норма** как целенаправленное воздействие кодификаторов (лингвистов-нормативистов, светских и религиозных цензоров) на употребление языковых средств (такую норму обычно называют кодифицированной; в предложенном понимании норма как таковая не может быть не кодифицированной);
- 3) **мода** как следование авторитетным образцам употребления языковых средств: писателям, политикам, журналистам и средствам массовой информации, артистам кино, телевидения, театра и эстрады.

Под существованием языка мы понимаем узус, бытование.

Систему, в отличие от многих современных лингвистов (ср., например, идеи Э. Бенвениста о различении виртуального и актуального в языке и речи), мы понимаем не только как потен-

* Работа выполнена при финансовой поддержке Research Support Scheme, грант 1131/2000.

цию, но и как стихийную тенденцию, то есть такую, которую можно представить как естественное движение языка при устранении зависимости от кодификаторской деятельности и влияния моды. Такое представление о системе или тенденции является идеализацией, поскольку более-менее развитый язык без кодификации и подражания образцам трудно себе представить. Эта идеализация, тем не менее, позволяет поставить вопрос о природе естественных предпочтений. И, в соответствии с идеями В. фон Гумбольдта, можно предположить, что "коллективный бессознательный" выбор лексики, ее семантическое наполнение и сочетаемость, выбор грамматических форм и конструкций задаются этническим менталитетом, этнокультурной спецификой языкового коллектива.

В языковом коллективе с неразвитыми социальными институтами (например, у носителей территориального диалекта русского языка) внутренние (этнокультурные) тенденции языковой системы выступают основным источником узуса и его смены. Только на "пограничных территориях" — в контакте с носителями другого диалекта — происходит фиксация дифференцирующих употреблений как своего рода прототипа нормы с возможной рефлексией диалектной самобытности.

В языковых коллективах, организованных в структуры государственного типа, во времена идеологического монизма главенствующую роль играет кодифицированная норма, которая часто подминает под себя естественные потенции развития системы. В это время лингвистика нормативистского типа и государство срачиваются, ученый-нормализатор и цензор (по отношению к последнему имеется в виду только языковой аспект его деятельности) до-

полняют друг друга, задавая языку теоретически (это функция лингвиста) и идеологически (с позиций цензора) определенное существование. Такая ситуация была с русским языком в Советском Союзе (существовал, например, "единый речевой и орфографический режим".) А.В. Текучев цитирует методическое письмо Министерства просвещения РСФСР под названием "Единый школьный режим грамотного письма и культуры речи", второе (!) издание которого датируется 1954 годом (Текучев, 1980, с. 50-51), а также в фашистской Германии (Клемперер, 1998).

В условиях демократии и идеологического плюрализма (слово, смысл которого затерт употреблением — ср. фр. *usage* 'изнашивание, истощение', родственное лат. *usus*, — тем не менее оно отражает существующую социальную действительность) решающим фактором языкового узуса является мода, которая тиражирует черты идиоматов наиболее авторитетных персон или языковой стиль наиболее популярных СМИ. Мода, как и норма, идеологична, но идеологичность ее проявляется не бюрократически, как у нормы, а через более гибкие механизмы, например, через финансирование авторитетных речедейателей соответствующими идеологическими структурами и т.п.

Таким образом, в предлагаемой модели языковая норма предстает как идеологическая по сути надстройка над языком, которая может в принципе быть противоположна стихийной тенденции, то есть языковой системе, отражающей менталитет, этнокультурную основу мышления и поведения членов языкового коллектива.

Ю.Д. Апресян утверждает, что любые различия в языке семантически. С нашей точки зрения, эти различия еще и концептуальны. Почему? Потому что

всякое языковое выражение есть модель. Моделирующая сила синтаксиса и морфемики/словообразования известна, но модельна также и морфология. Ср., например, текстовую, или диатезную, теорию падежа, предложенную Ю.С. Степановым. По этой теории всякий падеж может быть представлен как система из нескольких перифраз, в которой серии предложений, обозначающих расчлененно некоторую ситуацию (исходной перифразе), соответствует одно предложение, комплексно обозначающее эту ситуацию (конечная перифраза), например: (1) Человек колет; (2) Полоно трескается (1-2 — исходная перифраза); (3) Человек колет полено (конечная перифраза) (Степанов, 1989, с. 131). Основываясь на такой системе перифраз, можно обнаружить, что некоторые падежи (например, винительный) задают возможность "компрессии" информации, ее сворачивания в монопредикативную структуру из полипредикативной. При этом, как указывает Ю.С. Степанов, идиоэтнична сама конфигурация перифраз, то есть то, какие предикации сворачиваются в той или иной падежной форме (Степанов, 1989, с. 133). Экстраполируя этот вывод на другие моделирующие системы языка — словообразование, синтаксис, морфемику, лексику и пр., — можно говорить об этнокультурной специфичности моделей данного языка или его экзистенциальной формы. Однако эта специфичность проявляется на фоне вариантности, которая означает, что некоторые модели разных языков могут оказаться идентичными (ср. генетическую и типологическую общность языков), а различаться может только регулярный выбор между моделями, узус.

В этом смысле идеологичность нормы основывается на том, что она навязывает носителю языка выбор оп-

ределенных языковых моделей часто вопреки его метаязыковому сознанию и "лингвистическому бессознательному", имеющему этнокультурный характер (Ким, 1998б).

Продемонстрируем это на примере различия в употреблении залогово-видовых форм глагола. Здесь следует различать два типа форм: личные и инфинитив, предикативные формы, с одной стороны, и причастия и деепричастия, полупредикативные формы — с другой. Это разные подсистемы форм глагола, устроенные принципиально по-разному, поэтому речь будет идти в основном о личных формах.

У личных форм глагола принципиально различие между пассивным значением в совершенном и несовершенном виде: первое формируется возвратными формами, а последнее — пассивными причастными, ср. *Дом строится, строился* (**Дом (был, будет) строим*) и *Дом (был, будет) построен* (**Дом построился, построишься*). Возвратная, по словоизменению личная, форма актуализирует процессное значение, в то время как причастие акцентирует результативность, перфектность.

Таким образом, несовершенный вид в пассивных личных формах связан с выражением процесса, как и в активных формах. В противоположность ему, совершенный вид пассива связан с результатом действия, в отличие от совершенного вида актива, который приобретает в общем случае фактическое значение. Налицо асимметрия актива и пассива именно в совершенном виде, выражающаяся в распределении между ними фактического (аористного) и результативного (перфектного) значений соответственно: *Мы построили дом и Дом построен*.

Кроме того, обнаруживается следующее: если в действии фокусируется

результатирующее состояние объекта (*Рабочие строят дом; Я ломаю стол*), то результативное значение приобретает только пассивный залог без творительного субъекта: *Дом построен, Стол сломан*. Если же действие предполагает в качестве естественного результата состояние субъекта или отношение субъекта и объекта (*Петя выпил водки, Я обнял дерево, Мы все поняли*), то результативным значением может обладать и активная форма: *Петя выпивши* (о распространении активных форм перфекта на *-ши* в диалектах см., например: Кузьмина, 1993), *Я обнимаю дерево, Мы все понимаем* (рассмотрены М.Я. Гловинской - (1982, с. 91-101, Е.В. Падучевой - 1996, с. 157-158 и др.). Таким образом, ограничения, накладываемые на пассивные и активные результативные конструкции, демонстрируют свойство субъекта действия контролировать только результирующие состояния, прямо связанные с ним самим. Это лингвокультурная интерпретация данной асимметрии.

В последнее же время именно из-за ослабления нормативного контроля (устранение государственной цензуры, неконтролируемый рост средств и субъектов массовой информации) в язык вторгается симметризирующее стихийное начало; в связи с этим лексикализованные употребления возвратных форм глаголов совершенного вида в пассивном значении типа *нашелся, отыскался* начинают расширять сферу употребления, распространяясь на другие лексемы: *Снялась социальная напряженность, горожане поверили в будущее* (Енисей. губерния. 1997. № 15); *Уголовное дело Владимира Пазюка прекратилось только к 14 апреля 1997 года* (Комок. 1998. 22 апр. С. 28); *Ей удалось выйти за ворота бетонного дворца в Пхеньяне под предлогом небольшой*

покупки, затем она обнаружилась в одной из московских больниц и вскоре вновь исчезла где-то в Западной Европе (Комок. 1998. 15 окт. С. 26).

Расширение в употреблении возвратных форм глагола в пассивном значении до совершенного вида объясняется следующим.

Причастные конструкции, акцентирующие результативность действия или другого процесса, являются яркой принадлежностью именно письменной речи и навязываются нормой. Разговорная речь, нормой не кодифицированная, по данным Е.В. Красильниковой, характеризуется:

- 1) стативным, а не результативным значением конструкций с причастием в позиции предиката, например, *Еще мы там жили / леса были поставлены* (ср. просто *стояли*. — И. К.) / *а еще и сейчас все делают* (о ремонте) (ср. Красильникова, 1973, с. 185-194; пример также Е.В. Красильниковой);
- 2) избеганием причастных и деепричастных оборотов, в частности с глаголами совершенного вида (Красильникова, 1973, с. 168 и далее).

Таким образом, в данном случае норма явно противодействует системе, обнаруживая отчетливое идеологическое давление на носителей языка, устранивающих из своей речи результативность. Идеологичность такой нормы связана с тем, что "ученое меньшинство" (или "далекие предки") заставляет членов языкового коллектива фиксировать внимание на связи своего действия и его результата, испытывать ответственность за результат. Культура речи, таким образом, является и культурой мысли и даже культурой поведения.

Как показывает приведенный выше материал, стихия все же сопротивляется давлению нормы. Русский национально-культурный стереотип пред-

полагает ответственность деятеля не за результат действия и не перед пациентом (Ким, 1998а), а за его осуществление и перед инициатором или референтной группой (ср. два толкования слова *ответственный* в МАСе: первое фиксирует контроль результата, а второе — обязательство перед вышестоящим социальным субъектом). Поэтому наблюдается тенденция к замене в позиции предиката результативных причастных конструкций с глаголами совершенного вида акциональными возвратными. Это сопротивление норме обнаруживается в условиях ослабления ее давления на узус, характеризующего современную языковую практику.

Таким образом, кодифицированная языковая норма даже в некоторых фрагментах грамматики идеологична по сути. Однако ее идеологичность скрыта сложностью лингвокультурного анализа, и, по всей видимости, даже сами нормативисты не осознают социальных последствий своих действий, кодифицирующих такую неидеологичную составляющую языка, как морфология.

Белошапкина В.А. Современный русский язык: Синтаксис: Учеб. пособие. М.: Высш. шк., 1977. 248 с.

Гловинская М.Я. Семантические типы видовых противопоставлений русского глагола. М., 1982.

Ким И.Е. Деятель, действие и его результат в русской грамматике и русской культуре // Рождение разума: знаки пути: Сб. статей / Краснояр. гос. ун-т. Красноярск, 1998а. С. 109-113.

Ким И.Е. "Лингвистическое бессознательное" в русской фонетике и графике // Фонетика - орфоэпия - письмо в теории и практике: Сб. науч. тр. / Краснояр. гос. ун-т. Красноярск, 1998б. Вып. 2. С. 4-14.

Клемперер В. Язык Третьего рейха: Записная книжка филолога. М.: Прогресс-Традиция, 1998. 384 с.

Красильникова Е.В. Морфология // Русская разговорная речь. М.: Наука, 1973. С. 151-216.

Кузьмина И.Б. Синтаксис русских говоров в лингвогеографическом аспекте. М.: Наука, 1993. 224 с.

Падучева Е.В. Семантика времени и вида в русском языке // Падучева Е.В. Семантические исследования. М.: Школа "Языки русской культуры", 1996. С. 7-191.

Степанов Ю.С. Индоевропейское предложение. М.: Наука, 1988.

Текучев А.В. Методика русского языка в средней школе. 3-е изд. М.: Просвещение, 1980. 414 с.

Филлмор Ч. Дело о падеже // Новое в зарубеж. лингвистике. М.: Прогресс, 1981. Вып. 10.